

УДК 811.161.1'373.23:821.161.3

Поэтика имени в прозе В. Казакевича

Трощинская-Степушина Т.Е.
 Учреждение образования «Витебский государственный
 университет им. П.М. Машерова», Витебск

Изучение проблем современной литературной ономастики показало, что исследованию литературных ономастиконов, осуществляемому на широком материале как в синхронии, так и в диахронии, посвящено значительное количество работ. Между тем, ономастическое творчество целого ряда современных белорусских писателей остается до сих пор неисследованным.

В ономастиконе художественного произведения наибольшую смысловую нагрузку несут на себе антропонимы, являющиеся неотъемлемыми компонентами ономастической системы в целом и служащие своеобразным ключом в раскрытии замысла писателя. Отбор и взаимодействие антропонимов с контекстом определяется законом жанра, художественным методом автора и многими другими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя.

В данной статье описываются результаты исследования поэтики имени в творчестве В. Казакевича. Выявляется специфика организации антропонимосферы автора. Доказывается, что имя героя является одним из важнейших выразительных средств, создающих художественный образ.

Ключевые слова: ономастика, лингвистическая поэтика, ономастическое пространство, оним, антропонимикон, литературный антропоним, прецедентное имя, реминисценция, мифоним, антономасия.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 177–184)

Poetics of the name in V. Kazakhevich's prose

Troschinskaya-Stepushina T.E.
 Educational establishment "Vitebsk State University
 named after P.M. Masherov", Vitebsk

The study of the modern literary onomastic problems showed that a great number of works is devoted to the analysis of literary onomasticons that is accomplished on a vast material both synchronically and diachronically. Meanwhile onomastic creative work by many modern Belarusian writers is still unexplored.

Anthroponyms carry an important message in the onomasticon of any work of art, they serve as the imprescriptible part of an onomastic system and a peculiar key to revealing the author's conception. Selection and anthroponymical interconnection with a certain context is determined by the genre law, literary method and other individual creative peculiarities of the personal author's style.

The analysis findings of the name poetics in the creative work by V. Kazakhevich are described in the given article. The specificity in the organization of the anthroponymosphere created by the author is revealed. It is proved that a certain name is the principal creative means of a character.

Key words: onomastics, linguistic poetics, onomastic space, onym, anthroponimikon, literary anthroponim, precedent name, reminiscence, mythical name, anthonomastics.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 177–184)

Имя собственное принадлежит к наиболее выразительным, ярким и специфическим элементам стиля писателя. Каждый талантливый художник создает свой уникальный ономастический мир, который органически входит во «внутренний»

Адрес для корреспонденции: e-mail: astrid_2000@tut.by – Т.Е. Трощинская-Степушина

мир художественного произведения, знаки которого служат для образного отражения действительности и соединяются друг с другом в некоей определенной системе, живут в своем художественном времени и пространстве», – пишет Д.С. Лихачев [1, с. 120].

Еще до появления теоретических исследований в области литературной ономастики художники слова неоднократно высказывались об особой роли собственных имен в произведении. Э. Золя утверждал, что «имя становится в наших глазах как бы душой персонажа», «нередко в сочетании слогов мы видим даже характер персонажа» [2]. Г. Флобер считал, что если «нет имени – нет и романа» [2]. М. Горький в письмах В.В. Иванову, сообщая о тщательном поиске имен и фамилий персонажей, писал: «Для самой незначительной роли найдены фамилии» [3, с. 213]. Авторитетнейшие свидетельства подчеркнуты уважительного отношения к возможностям и роли имен в литературе, в особенности антропонимов, определили необходимость научных исследований в этой области.

Начало научному изучению проблемы имени было положено, в первую очередь, исследованиями западных ученых о значении и функциях имени у первобытных народов, в мифологии и религиях мира (работы Дж. Фрэзера, М. Хайдеггера, К. Леви-Строса, А. Гардинера).

Активное рассмотрение данной проблемы в филологическом ключе продолжилось в работах русских исследователей Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, М.М. Бахтина, Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, М.С. Альтмана, Э.Б. Магазаника, В.А. Никонова. Зарубежная научная литература по проблеме имени также весьма обширна (М. Беккер, Р. Чейпл, Д. Джонс, Э. Ламберт, Дж. Паулс).

Долгое время имя литературного персонажа рассматривалось преимущественно в ономастическом измерении, т.е. предметом исследования были общие закономерности происхождения и функционирования собственных имен и их сис-

тема, изучалась степень соответствия имен персонажей реальной антропонимической норме. Интересом к такому подходу отмечены труды Б.А. Ларина, Л.В. Щербы,

В.В. Виноградова, и др. В частности, академик В.В. Виноградов писал: «Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях ... – очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [4, с. 98]. Ю.Н. Тынянов еще в 1924 году писал о значении имени в произведениях искусства: «В художественном произведении нет неговорящих имен. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые оно способно» [5, с. 56].

В последние годы на первый план вышло толкование имени как смыслового ядра образа, вербализованной сущности литературного персонажа (Н. Бонеецкая, Л. Гоготипвили, К. Жогина, Д. Руденко). Философской основой этих исследований стали труды А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского.

Однако при всем обилии публикаций многие проблемы, связанные с художественными наименованиями, лишь обозначены. Для их решения активно собирается и анализируется фактический материал, описываются и исследуются имена в художественном наследии русских и зарубежных авторов, составляются словари имен отдельных произведений и творчества писателя в целом. В настоящее время достаточно глубоко и всесторонне изучены антропонимические системы произведений таких писателей, как А.Н. Островский,

А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М.А. Булгаков, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак.

Изучение особенностей функционирования собственных имен в художественном произведении, многообразие видов поэтических антропонимов и их постоянное обновление, богатый семантический потенциал имен позволяют глубже

понять художественный мир писателей.

Среди лингвистов до сих пор нет единого мнения относительно именования науки, изучающей имена собственные в художественном тексте. Исследователи используют различные терминологические варианты: стилистическая ономастика (К.Б. Зайцева), литературная антропонимика (М.В. Карпенко, Л.М. Щетинин), поэтическая ономастика (Э.Б. Магазаник, Н.В. Подольская), поэтика онима (В.М. Калинин) и некоторые другие. По мнению О.И. Фоянковой, термин «поэтическая ономастика» применим только для поэтической речи, что приводит к сужению его значения [6, с. 8]. Т.В. Немировская в статье «Некоторые проблемы литературной ономастики» предлагает – как самый общий – термин «литературная ономастика», объектом которой выступают все жанры литературного творчества: 1) ономастика поэзии (поэтическая) – лирика, поэмы, баллады; 2) ономастика художественной прозы (художественная) – рассказ, повесть, роман; 3) ономастика драматургии (драматургическая) – комедии, драмы, трагедии [7, с. 49]. Вслед за вышеупомянутыми исследователями в настоящей работе мы будем придерживаться термина «литературная ономастика», поскольку он наиболее адекватно отражает сферу употребления и функционирования имен собственных в исследуемых нами художественных произведениях.

Выявление особенностей имени собственного в художественном тексте является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной ономастики. Проблемное поле литературной ономастики стремительно расширяется, благодаря вкладу О.И. Фоянковой, А.А. Фомина,

И.Э. Ратниковой и др. В последние годы появился ряд интересных работ по литературной ономастике, в которых описывается вся совокупность имен собственных у одного писателя (или в одном произведении) или отдельное свойство онима на материале разных авторских идиостилей (Л.И. Андреева, В.Н. Михайлов, Е.А. Анисимова, А.Ф. Рогалев, Ю.А. Карпенко,

В.М. Калинин, А.Н. Деревяго и др.).

Выступая в качестве ключевых слов текста, имена персонажей участвуют в раскрытии его главных тем. В этой связи становится актуальным вопрос о своеобразии антропонимической системы автора в общем контексте его идиостиля, поскольку антропонимическое пространство художественного произведения, отбор и взаимодействие антропонимов с контекстом определяется законом жанра, художественным методом писателя и многими другими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя.

Изучение проблем современной литературной ономастики показало, что исследованию литературных ономастиков, осуществляемому на широком материале как в синхронии, так и в диахронии, посвящено значительное количество работ. Между тем, ономастическое творчество целого ряда современных белорусских писателей остается до сих пор неисследованным. Цель данной статьи – выявление особенностей употребления имени в прозе Вячеслава Казакевича – современного белорусского автора, пишущего на русском языке.

Творчество В. Казакевича занимает значимое место в современной белорусской литературе и литературном процессе рубежа XX–XXI вв. Однако адекватного лингвистического анализа оно пока не получило, неизученным остается и ономастическое пространство его произведений.

В. Казакевич родом из Беларуси. Окончил филологический факультет МГУ. С 1993 г. живет в Японии, в настоящее время является профессором университета Тояма. Он автор пяти поэтических сборников и книги прозы «Охота на майских жуков».

Произведения В. Казакевича, оригинальные как по своей художественной структуре, так и по языковому оформлению, позволяют выделить его из ряда современных писателей. Цель статьи – анализ поэтики имени в творчестве В. Казакевича и выявление специфики организации антропонимосферы автора.

Материал и методы. Материалом для

исследования послужили прозаические художественные произведения Вячеслава Казакевича общим объемом 190 страниц: повесть «Охота на майских жуков» и рассказ «Наедине с тобою, брат».

При проведении исследования были использованы основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации, а также элементы компонентного, сопоставительного и статистического анализов. Методологическое значение в работе имеет «композиция научного задания» (термин М.М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых художественных текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Традиционно имя героя/персонажа (или персонифицированного художественного образа) в художественном произведении определяли как *имя* или *собственное имя*, которое конкретизировалось в зависимости от жанра произведения: *имя действующего лица, имя литературного персонажа, имя лирического героя*. В свое время М.В. Карпенко под литературными антропонимами понимала только собственные имена, созданные автором. Исключались собственные имена реальных исторических лиц, используемых в художественных произведениях в качестве личных имен персонажей [8, с. 24]. Позже это ограничение было снято, и для обозначения «всех без исключения личных собственных имен, именующих персонажей» в художественном тексте, стали использовать термин «*литературный антропоним*» [8, с. 27].

Оппозиция реальные/ирреальные (вымышленные) имена представляется крайними звеньями цепочки «от исторического имени к вымышленному» [1]. Именно на этом отрезке антропонимическая лексика претерпевает различного рода преобразования.

Поскольку ядро антропонимной системы исследуемых произведений составляют *реальные именованья героев*, нам представляется целесообразным отдельно остановиться на этом аспекте.

Реальные именованья героев – имена,

взятые из реального национального именника, которые конструируются авторами сообразно системе имен и формуле номинации, принятой в системе русского имянаречения. В качестве личных имен героев используются онимы, имеющие преимущественное распространение на территории России и Беларуси и включающие в себя как женские, так и мужские имена: *Вера, Ганна, Антонина, Марьяна, Степан, Евгений, Стась, Иван*. Эти онимы характеризуются единством денотата имени «женщина, славянка»/«мужчина, славянин» и отражают в прозе писателей антропонимное пространство России и Беларуси. В исследуемых произведениях имена собственные этого типа составляют 35% с преобладанием мужских имен.

Важную роль в антропонимиконе изучаемых произведений играют прецедентные имена, т.е. имена, соотносимые с реально существовавшими или существующими денотатами и сохраняющие всю сумму социальных коннотаций. Частотностью прецедентных именованья очерчивается круг явлений и событий историко-культурного процесса, входящих в зону индивидуальных приоритетов автора.

Специфика освоения В. Казакевичем именованья этого типа заключается в том, что автор употребляет исторические имена не в качестве «полноправных» именованья того или иного персонажа, а, например, для создания или усиления комического эффекта: *1. Многие годы спустя мать вспоминала, что если бы она со своим венником не оказалась тогда у стола, отец бы меня убил. Таким образом я мог бы примкнуть к живописным отпрыскам Грозного, Бульбы и Петра Первого* [9, с. 76]. *2. Родители набивали припасами погреб и чулан с тем же тщанием, с которым Скотт и Амундсен загружали трюмы своих кораблей, отправлявшихся к Южному полюсу* [9, с. 144]. *3. С тех пор он посылал к царю юристу... несчетное количество зверей, птиц, людей, насекомых. Думаю, такой богатой и разнообразной дани царю Хаммурапи не слал никто* [9, с. 141]. *4. Хоро-*

шо, что отец мигом позвонил в милицию, и милиционеры, поймав меня, посадили, как Пугачева, в железную клетку [9, с. 177]. Кроме вышеупомянутых, в прозе В. Казакевича фигурируют такие прецедентные онимы, как *Менделеев, Некрасов, Алексей Толстой, Маяковский, Есенин*.

В основном названные именованья имеют одночленную структурную модель «фамилия», реже – «фамилия/имя»: такие варианты наиболее характерны для именованья личности, оставившей след в истории и культуре. Данные онимы составляют 7% от общего количества антропонимов в ономастическом пространстве исследуемых произведений.

Аллюзивные, или реминисцентные, именованья возникают при возвращении к одноименной ономастической номинации в обрисовке новых типов и характеров, сходных с ними. Как справедливо указывает Е.А. Козицкая, «ономастические цитаты – очень мощное средство аккумуляции реминисцентного содержания и его реализации в тексте» [10, с. 178].

Пример аллюзии мы обнаружили в повести «Охота на майских жуков»: *Нашу няньку и по совместительству нашего работника Балду отец привез из-за тридцати земель* [9, с. 34].

Работник Балда – прецедентный оним, связанный с прагмакомпонентом семантики имени единственной известной личности (персонажа), которую он представляет (имеется в виду общеизвестный Балда – главный герой «Сказки о Попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина). В данном примере семантический вектор проходит от контекста к образу благодаря «максимальной актуализации ассоциативного приращения имени» [4, с. 116]. При употреблении «знакового» для русского человека имени в современном художественном произведении, причем с сохранением авторского, полного двучленного варианта именованья героя – апеллятив + имя – «осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [12, с.

52]. Другими словами, назвав няньку Балдой уже в первом (!) предложении повести, автор дает ей исчерпывающую характеристику, которая потом, на протяжении всего последующего текста, лишь мастерски им подтверждается. Простодушие, наивность, доброта, при этом исконно русская сметка, надежность, широта души – вот далеко не полный перечень черт знаменитого пушкинского Балды и всех его литературных тезок, включая наш персонаж. Таким образом, в приведенном выше примере имя имеет обобщенно-символическую, осложненную реминисценцией семантику.

Аллюзивными элементами, или *маркерами* аллюзии, соединяющими факты из жизни и тексты о них, могут становиться поэтические, мифологические, исторические, географические или другие названия. В прозе В. Казакевича денотатом аллюзии являются мифонимы, а точнее, мифоперсонимы и мифозоонимы – имена персонажей, действующих в мифах, былинах, сказках (*Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Сивка-бурка*), а также прецедентные литературные антропонимы (*граф Монте-Кристо, Дядя Степа, Синдбад-Мореход, Гриффин, Гулливер, Рыцарь Айвенго, Капитан Немо*). Нужно сказать, что образы этих героев столь причудливо переплетаются в художественном пространстве текста, что рождают яркие, запоминающиеся образы: *Брат приказывал рассказывать ему на ночь сказки, и я начал шептать жуткую историю, что склады вала са сама собой. В этой фантастической белиберде галантные французские мушкетеры действовали вместе с массивными, как платяной шкаф, русскими богатырями. Рыцарь Айвенго и капитан Немо на таранной подлодке помогли им биться с черными, как тараканы, эсэсовцами и с заправленным горючей смесью Змеем Горынычем* [9, с. 175]. В этом примере в состав именованья героев, кроме собственно аллюзивных онимов, входят апеллятивы, поскольку в данном контексте они приобретают онимическое значение (герои романа А. Дюма «Три мушкетера»; богатыри – герои русских былин и сказок). Качественные характеристики подобных персонажей, заключенные в

имплицитном значении их имен, имеют обобщенно-символическое значение.

В рассказе «Наедине с тобою, брат» 7 из 8 употребленных в нем антропонимов представляют собой прецедентные литературные антропонимы; они же составляют 17% от общего количества антропонимов во всех исследуемых произведениях

В. Казакевича. Частое введение номинаций подобного типа говорит о фантазии, начитанности и стремлении к сочинительству юного героя: *Едва я засыпал, брат щипался, требуя продолжения сказки. Он и сделал из меня писателя* [9, с. 175].

Кроме вышеуказанных мифонимов, в произведениях всех авторов в разных контекстах неоднократно упоминаются теонимы – *Бог, Христос, Магомет, Будда, Кришна, Перун*. Все названные выше онимы А.Н. Деревяго относит к «мифоперсонимам дохристианского и христианского хронотопа» [11, с. 77]. Авторы вводят теонимы в антропонимосферу своих произведений не только для того, чтобы подчеркнуть религиозность того или иного персонажа, но приспособливают их для иных художественных целей, как, например, в следующем отрывке из повести В. Казакевича «Охота на майских жуков»: *Среди знакомых и близких Марьяны были не только древнеримские призраки, но и языческие славянские боже-*

ства. – Перун вас забей! – с досадой призывала Марьяна древнего бога грозы и войны на голову бродячих собак, иногда любознательно сующих морды к нам в калитку [9, с. 46]. Использование мифоперсонима «Перун» в составе подобного речевого оборота и в данном контексте служит, во-первых, для того чтобы показать необразованность Марьяны, и во-вторых, – подчеркнуть ее деревенское происхождение, где названия древних языческих богов до сих пор находят в бытовом речевом обиходе.

Таким образом, реминисцентное употребление имени персонажа содействует погружению художественных образов одного литературного произведения

в мир художественной действительности другого произведения. Аллюзивные онимы, в том числе мифонимы, способствуя возникновению коннотативных смыслов, дополняют и обогащают образы героев литературного произведения.

Имена, фамилии и прозвища с прозрачной семантикой («говорящие») – «такие имена, в которых этимологическое (доантропонимическое) значение лексической основы сразу раскрывает суть персонажа» [12].

В связи с темой «говорящих» имен необходимо коснуться *автономазии* (автономасии) – тропа, состоящего в метафорическом применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя этого имени. В этом случае перенос имени с одного лица на другое происходит благодаря ассоциации, возникающей вследствие сходства между ними, т.е. наличия общего признака у разных денотатов. Например, *Соломон* – кличка брата героя в повести «Охота на майских жуков». Вот что пишет автор по этому поводу: *...соломонистость его главным образом выражалась в ежеминутной готовности с головой и руками погрузиться в любой механизм* [10, с. 59]. Как мы можем заметить, одна из основных целей автономасии – максимально сжатая, лаконичная характеристика персонажа.

М.К. Максимова называет подобные примеры метафорическими, а В.Н. Михайлов видит в них метонимизацию [13, с. 80]. О.И. Фоякова считает, что в основе автономасии могут лежать как метафора, так и метонимия [6, с. 69]. На наш взгляд, примеры подобного рода можно трактовать как метафору, возникающую на основании сходства понятий.

Прозвище – самый мотивированный вид антропонимии в художественном тексте с прямо или косвенно (ассоциативно) характеризующей семантикой. Например, прозвище одного из эпизодических персонажей повести «Охота на майских жуков» *Сюся, потому что была у него заячья губа и говорил он с таким сюсюканьем, что понять его было невозможно* [9, с. 11]. Прямая или ассоциа-

тивная мотивировка в подобного рода номинациях выполняет характеристическую функцию, подчеркивая особенность внешности, поведения или характера персонажа.

Таким образом, имена с семантически обнаженной внутренней формой, включая прозвищные номинации и случаи автономии не характерны для прозы В. Казакевича.

К номинациям-идентификаторам персонажей относят местоименные субституты, синонимические замены, являющиеся стилистически нейтральными, а также эпитеты, перифразы, деминутивные формы, которые, имея экспрессивно-оценочную окраску, служат эффективным средством создания художественного образа. Ярким примером тому служит система номинаций Марьяны, главной героини повести «Охота на майских жуков»: 1. *Нашу няньку и по совместительству нашего работника Балду отец привез из-за тридцати земель. Встреча с ней до сих пор стоит у меня перед глазами. Краснолицая, не включая, в каком-то несуразном деревенском наряде она вперевалку, по медвежьим поднимается на крыльцо* [9, с. 34]. 2. *Это была самая неунывающая пятидесятилетняя сирота и старая дева, какую только можно только себе представить.* [9, с. 35]. 3. *Но чаще всего с кошкой общалась наша словоохотливая нянька* [9, с. 43]. 4. *Марьяна, сама же пристрастившая брата к заспанным путешествиям, долго служила ему двуногим разговорчивым конем, всюду таская его на себе* [9, с. 50]. 5. Кроме этого: *наша нянька; несуразная нянька; наша неграмотная нянька; лакомка-нянька; нянька-баюн* и др. С помощью подобного рода номинаций-идентификаторов автор искусно создает образ своей любимой героини – не обыкновенной деревенской женщины, но личности обаятельной, удивительной, самобытной.

Следующая группа антропонимов – именования-апеллятивы. К ним относятся имена нарицательные, способные в условиях контекста приобретать онимическое

значение. В этом случае речь идет о процессе *контекстуальной деапеллятивации*. В рассказе «Наедине с тобой, брат» сказчик, в первом предложении, познакомив читателя с героем своего повествования («*Моего младшего брата зовут Валентин*»), в дальнейшем употребляет для его именованья только апеллатив «брат», который на протяжении текста повторяется 68 (!) раз, настолько важной оказывается родственная, кровная связь с этим человеком. Такая частотность употребления позволяет нам говорить о том, что данный апеллатив занимает промежуточное положение между собственно именем нарицательным и онимом.

Заключение. Анализ исследованного материала позволил прийти к следующим выводам. Ядро исследуемого антропонимикона представлено типом именованья персонажей, созданным автором по известным языковым образцам, объединенным общей архисемой «именование человека, а также объекта, наделенного человеческими качествами». Эти именованья воплощают разные структурные схемы именованья персонажей, однако преимущественным является использование одночленной модели «личное имя», что свидетельствует о неповторимости каждого именуемого. В околоядерную структуру входят номинации-идентификаторы и прецедентные имена, употребленные не в прямом, а в переносном значении, что позволяет сделать образ героя более рельефным, запоминающимся. На периферии оказываются «говорящие», в том числе прозвищные именованья. Кроме этого, в прозе В. Казакевича были выявлены и причислены к периферийным элементам мифонимы – именованья сказочных персонажей и прецедентных литературных героев, употребляемых в метафорическом контексте и участвующих в создании комического эффекта.

Таким образом, антропонимикон В. Казакевича представляет собой самобытную систему именованья персонажей и служит своеобразным ключом в раскрытии образов персонажей, микротем произведения, а также художественного замысла писателя.

Литература

1. Лихачев, Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3.
2. Письмо Э. Золя де Сиону от 29 января 1882 г. // Литературная учеба. – 1940. – № 8–9.
3. Иезуитов, С.А. Имена героев и мифологические мотивы в пьесе М. Горького «Егор Булычев и другие» / С.А. Иезуитов // Имя – сюжет – миф. – СПб., 1996. – С. 212–226.
4. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
5. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М., 1977. – 181 с.
6. Фоякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / О.И. Фоякова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 103 с.
7. Немировская, Т.В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т.В. Немировская // Вопросы ономастики. – 1992. – № 3. – С. 47–59.
8. Карпенко, М.В. Русская антропонимика: конспект лекций спецкурса / М.В. Карпенко. – Одесса: Изд-во Одесского ун-та, 1970. – 68 с.
9. Казакевич, В.С. Охота на майских жуков / В.С. Казакевич. – М.: Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 192 с.
10. Козицкая, Е.А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии / Е.А. Козицкая // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: сб. науч. трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 5. – С. 177–218.
11. Никонов, В.А. Задачи и методы антропонимики / В.А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. – 1970. – С. 33–56.
12. Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / А.Н. Деревяго. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 204 с.
13. Михайлов, В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В.Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 78–82.

Поступила в редакцию 07.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.